

УДК 93/94

© **Н.В. Стариков**

Южный федеральный университет

Ростов-на-Дону, Россия

nv-rost@yandex.ru

КОНСПИРАТИВИСТСКАЯ МЕНТАЛЬНОСТЬ КОМИНФОРМА: ОСОБЕННОСТИ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕНТАЛИТЕТА «ХОЛОДНОЙ ВОЙНЫ»

**[Starikov N.V. Conspiratorial Mentality of the Cominform:
the Peculiarities of the "Cold War" Political Mentality]**

The article is devoted to conspiratorial mentality of the Cominform (Communist Information Bureau): the peculiarities of the "Cold War" political mentality. This article shows the activity of Cominform as a derivative of collectivist-socialist mentality. The Cominform mentality highlighted the meaning of the blocking policy tool activities on the background of the "cold war" and the Eastern Europe sovietisation. In the USSR the conspiratorial mentality stemmed from the permanent mobilization and demonstrative populism. The comparative analysis of the conspiracism in the left and right political sectors enabled the author to draw the conclusion about the similarity. As a unity of conscious and subconscious beliefs and values, norms, forms of accepted and intolerable behaviour the conspiratorial mentality represents a system of binary oppositions.

Key words: conspiratorial, mentality, Cominform, Eastern Europe, USSR, political control, image of enemy, political history, political culture.

Производное коллективистско-социалистического менталитета конспиративистская ментальность 1940 – 1950-х гг. была связана с новым геополитическим пространством, основывалась на устремлениях и покровительстве государства, служила ему. Ментальность Коминформа подчеркивала содержательную сторону деятельности этого инструмента блоковой политики в условиях советизации Восточной Европы и развертывания «холодной войны».

Деятельность Коминформа – порождения большевистской политической культуры – полно воплощала тенденции закрытости, присущие советской политической системе. Принятые в обиходе и документации камуфлирование партийных структур под научно-исследовательские институты, конспирация фамилий (Жданов – «Сергеев», Маленков – «Борисов», Сталин – «Филиппов» и др.), «безадресность» адресов, шифрограммы, коды; номерные

спецбюро и специнституты, закрытые группы; нелегальные сети советских советников, «почтовые ящики» – это лишь часть невидимого пространства, призванного формировать угодный Сталину мировой порядок.

Механизм власти, функционировавший в 1940–1950-х гг. основывался на предельной персонификации власти и секретности; утвердилась практика тайного принятия важных политических решений, которые позже оформлялись как «коллективное решение партии». Покрову секретности соответствовал скрытый механизм взаимодействия всех властных структур по вертикали и горизонтали. Тайная инфраструктура связывала секретариат ЦК ВКП(б) со всеми назначенными им партийными функционерами и руководителями государственных органов.

Секретный механизм сталинской власти скрывал действительные цели партийной верхушки, авторство важнейших решений, мотивы их принятия и сами эти решения.

Предрасположенность Коминформа к конспиративизму связана с рядом факторов: инерцией Коминтерна, опытом и потенциалом советского Агитпропа, еврофобиями Сталина, отсутствием легитимного пространства для политических дискуссий.

База роста конспиративизма – практика советских спецслужб, эксплуатация политических мифов, конверсия «образа врага». Основа – теория и алгоритм политического «заговора».

Применительно к СССР конспиративистская ментальность Коминформа опосредовалась перманентной мобилизацией и демонстрационным популизмом. Поддерживались мифологемы политико-идеологических кампании, символика показательных процессов в Восточной Европе, транслировались литеры особых совещаний: ВАД (восхваление американской демократии), КРД (контрреволюционная деятельность) и др.

Конспиративизм Коминформа полно воплощал социалистическую традицию, одновременно – это вариант классического волонтаризма; отражение мифосимволического пространства послевоенной Европы и новая стадия конспиративной ментальности по сравнению с ментальностью Коминтерна; способ мышления, духовный настрой, мировоззрение, выражение группового сознания и, одновременно, особая форма иррациональности. Как мировосприятие и самосознание, менталитет Коминформа был сопряжен с идеологией, но при этом не являлся ее теневой структурой.

Субъектно-деятельностный подход к изучению политического менталитета позволяет выделять конспиративистскую ментальность Коминформа как самостоятельный уровень субъектности в том числе в соотношении с конспиративистскими моделями политико-идеологических кампаний в СССР и странах «народной демократии».

Сравнительные исследования по истории послевоенной Восточной Европы [5], Коминформу [1] истории «холодной войны» [3], публикации источников [4] позволяют углубить контуры конспиративистского менталитета, его эволюцию в Европе и странах советского блока.

Основываясь на трактовках менталитета как самопонимания группы (Ю. Митке); общем тоне долговременных форм поведения в пределах группы (Ф. Граус); выражении повседневного облика коллективного сознания (А. Гуревич), возможно построение модели менталитета Коминформа и выделения уровней изучения политической ментальности, включая конспиративизм как «упорядоченную ментальность».

При этом важно определить смысл, который вкладывается в предикат «конспиративный», учитывая, что литература дает различные определения политического конспиративизма.

Так, обращаясь к его предметной области, Дж. Энтин исходит из того, что «конспиративизм можно рассматривать как менталитет или состояние сознания; его можно также рассматривать как стиль мышления». «Это мировоззрение, свойственное многим классам, а заговор – это инструмент, которым пользовались многие классы, причем не только классы, но и разного рода группы и подгруппы» [6].

Сопоставительный анализ конспиративизма в левой и правой части политического спектра позволил автору сделать выводы о схожести и даже идентичности конспиративистского менталитета, их мощном манипулятивном потенциале.

Имея в виду различия, Энтин применительно к левой разновидности выделяет символизм, утопизм и отсутствие собственной демонологии, ссылок на потусторонние силы. «Конспиративизм и утопизм, по-видимому, существуют где-то между молотом мифа и наковальней паранойи». Формы бытования конспиративизма в СССР и США, отмеченные автором, тесно связаны с мифологией. Не случайно конспиративизм рассматривается им как